

Неделя - 1991, - 25-31 дек. (№52) - с. 11.

Мемуары

У ГАДЫВАЛСЯ ли в Андрее Тарковском, одном из учеников 554-й московской школы, будущий великий режиссер? Вряд ли. Шуплый. Шустрый. Нервный. Импульсивный. За отметками не гонялся. Твердый троечник.

Однажды на вопрос кроткого преподавателя черчения Рейсфедера Ивановича, сделал ли Андрей чертеж, тот уверенно кивнул головой.

— А где он? — пошарил глазами учитель.

— Его нет.

— Значит, чертежа все же не было?

— Было! — взвизгнул Андрей и, как горьковский барон, лихорадочно с детской обидчивой слезой заголосил: — Было! Все было!..

Рейсфедер Иванович онемел...

Мы занимались тогда всем, кроме учебы. Играли в футбол и жесточку. Увлекались поэзией и де-

«ПРОХОДЯТ ДНИ ГУСТОЙ ЛИЛОВОЙ ТЕНЬЮ»

вочками. Мир притягивал нас своей новизной, а школа отпугивала казенщиной и скукой.

30 ноября 1949 года два семнадцатилетних отрока, Тарковский и Безелянский, решили позабавиться на уроке и написать стихотворение: один пишет одну строчку, второй продолжает. Тогда мы запоем читали Блока, Бальмонта, Брюсова и других, по тогдашней терминологии, декадентов. И вот что сохранилось на пожелтевшей бумаге:

Проходят дни густой лиловой

тенью,

Летят на крыльях звонкой

тишины.

Пришел, уснул под гроба

черной сенью,

Увидел сероскучной жизни

сны...

...Сверкали страсти — огненные

змеи,

Звенели мысли в розовом

чаду,

И уходили вдалеку уставшие

аллеи,

В которых я твою любовь

краду.

В печальном шелоте страданий,

Окутанная синей пеленой,

Судьба мне подарила

на прощанье

Эдельвейс, оплаканный тобой.

В КОНЦЕ МАЯ 1953 года мы с

ним нечаянно встретились в поезде Москва—Владивосток. Я намеревался за четверо суток добраться до Канска. В том же поезде, но в другом вагоне ехал Тарковский, направляясь в какую-то экспедицию в Красноярский край. Цитирую запись из дневника:

«Отправляюсь в вагон-ресторан... вдруг как гром среди ясного неба раздался вопль: «Ты ли?!» Смотрю — и, кажется, проваливаюсь от неожиданности: прямо передо мной стоит Андрей Тарковский, большой поклонник экзотики, с которым я когда-то даже сидел за одной партой. Долго тискал друг друга в объятиях... Мы сели за свободный столик, заказали бутылку вина и

продолжали оживленно болтать, часто повторяя стереотипные восклицания: «Вот это встречал!» и «Судьба!»

— Ну, а ты куда? — спросил я в свою очередь Андрей.

— В Клондайк, за золотом!

Верный Джеку Лондону и Фенимору Куперу Андрей... Но Сибирь, куда мы направляли свои стопы, — это не Калифорния и не Аляска. И детскую мечту о прериях и бумерангах пришлось сменить на действительность с рогамино. Но Андрей по-прежнему приклеивал экзотические ярлыки на самые прозаические вещи, и жизнь снова благоухала романтикой...

В голосе режиссера были и восторг, и какая-то обреченность.

— Я в кино 20 лет, а сделал чрезвычайно мало: примерно одну картину за четыре года. Очень мало. Я мог бы сделать больше картин и иметь при этом все, что необходимо обывателю, но я не хочу. Это была бы для меня измена искусству. Я делаю только то, что вижу и чувствую, и ничего другого. Это мучительно трудно в наших условиях. Это — крестный путь, но я сознательно иду по нему и несу свой крест.

Уже потом, после встречи, сходные мысли я нашел у отца Андрея — поэта Арсения Тарковского:

● Андрей ТАРКОВСКИЙ — проба на роль солдата в фильме «Иваново детство».

Был бы хлеб. Ни богатства, ни славы
Мне в моих сундуках не беречь.
Не гадал мой даритель лукавый,
Что вручал мне с подарками право
На прямую свободную речь.

— Искусство никого и ничему не учит, — продолжал говорить Андрей в тот памятный вечер. — Оно не передает опыта. В противном случае человечество, научившись на горьких страницах истории, никогда не повторило бы роковых ошибок предыдущих поколений. И это было бы ужасно!.. Нет, каждое поколение видит мир как бы заново, воспринимая и осваивая его по-своему. У каждого поколения должен быть свой Гоголь и свой Достоевский или по крайней мере новое прочтение Гоголя и Достоевского... Искусство не имеет прикладного характера. Оно показывает человека со стороны, заставляет его попристальной взглянуть на себя, задуматься, понять то, что он есть и что с ним происходит. Искусство зовет человека на какую-то высшую ступеньку идеального совершенства. Без этого нет искусства... Искусство должно давать человеку надежду, даже в том случае, если разрушает все вокруг...

Андрей излагал свои взгляды порывисто, нервно и даже несколько, как мне показалось, зло.

— Мне смешно, когда мне говорят, что я — элитарный режиссер. Искусство вообще по своей природе элитарно, оно — удел избранных. Это определенные вершины духа, которые возвышаются над всеми, а внизу низины, равнины, поля... Искусство требует понимания, ответной работы мысли, напряженного сотворчества, иначе его невозможно понять.

Я слушал Тарковского и невольно

но вспомнил Марка Шагала, которого однажды на вернисаже кто-то спросил, что, по мнению художника, должна сказать ему, посетителю, такая-то картина. На что Шагал ответил: «А это зависит от того, что вы скажете картине».

— Меня часто спрашивают, — продолжал Андрей, — что в фильме обозначает это, а что значит то? Какой символ придается собаке в «Сталкере»? Люди непременно хотят, чтобы все было ясным, конкретным, понятным, они не выносят недосказанности, тайны. Она их пугает. Страшит. Мир должен быть для них логичным и простым, только тогда они могут в нем жить спокойно и размножаться...

Далее разговор перешел на коллег-кинорежиссеров, про одного из них, очень популярного, Тарковский сказал: «Он — мой классовый враг. Он из обеспеченной семьи. В годы войны, когда все голодали, он бросался пирожными... Идет в жизни, как по ковру... Он — выразитель буржуазного сознания. Нынешнего обывателя Ангола не интересует, он хочет развлекаться, и режиссер предоставляет ему такую возможность. И, конечно, начальство от него без ума. Плохо, когда начальство тебя любит...»

Самого Тарковского начальство постоянно травило, о чем стало известно широкой публике хотя бы из его переписки с Козинцевым.

— Ну, а кто из режиссеров, на твой взгляд, самый-самый? — спросил я Андрея.

Он откинул голову и задумался:

— Параджанов... Иоселиани...

Герман... И вот совсем молодой Саша Сокуров из документального кино. Он еще ничего не поставил, но запомни это имя: чертовски талантливый парень... Четыре режиссера на страну — не так-то плохо. В Италии есть два, во Франции один, два в Японии...

— А хотел бы ты жить, скажем, в Нью-Йорке?

— Нет, — следует ответ. — Это не по мне. Очень динамичный город, он опередил нас лет на двести. У американцев совсем другое сознание, иные отношения. Уклад жизни, ритм, движение — все другое... Да, там трудно, но вместе с тем и легче. Достаточно уговорить одного продюсера, чтобы он выложил деньги, — и ты уже снимаешь... А тут нужен миллион ухищрений! Сотни людей на твоём пути, нужно обойти сотни преград, распутать сотни узлов... Если тебе там говорят «нет», так это «нет». А у нас «нет» — это еще ничего не значит, и люди упорно ищут извилистые пути, чтобы добиться «да»... На Западе тяжело добывать деньги, а у нас их можно делать из воздуха. Посмотри: кругом одни миллионеры. Парикмахерши, таксисты, завмаги... все ловчат и все имеют деньги...

Разговор прыгал, как мячик, от экономики к религии к литературе. Выяснилось, что Андрей любит Ахматову, а Цветаева ему нравилась не во всем («слишком усложнена: метафоры, метафоры...») С любовью отзывался о творчестве Букина и Чехова и признался, что совсем не терпит современных писателей — Айтматова и Распутина.

Наконец Андрей посмотрел на часы: пора! Мы дошли до троллейбусной остановки. Свистел леденящий мартовский ветер.

— Боюсь следующего года, — сказал я Андрею, выпытывая его отношение к возрасту (мы ведь одногодки, с 1932-го).

— А почему?

— Будет пятьдесят. Особый рубеж. Жду со страхом.

— Да чепуха! Ничего не будет. Какая разница, сколько лет: пятьдесят, семьдесят, — сказал Андрей и засмеялся бесшабашно.

ТРОЛЛЕЙБУС двинулся в темноту, в освещенном салоне ярко выделялась маленькая фигурка человека, одетого в желтую куртку. Он склонился над билетной кассой.

Его билет дал ему право войти в историю мировой культуры.

Больше мы не встречались и лишь несколько раз говорили по телефону. Андрей умер 28 декабря 1986 года в возрасте 54 лет. До 55 не хватило трех месяцев...

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ.